

Ольга Белоусова: Родственные отношения внутри элиты Российской империи – недооценённый фактор или ложный след?* *Olga Belousova (Lomonosov Moscow State University, Russia): Family relations within the elite of the Russian Empire – an underestimated factor or a false trail?*

DOI: 10.31857/S0869568722040148, EDN: JAMYXQ

Одной из характерных особенностей исследовательского подхода А. В. Островского при изучении политической истории было повышенное внимание к родственным отношениям внутри элиты. Демонстрируя их, историк подводил к мысли, что снисходительное, а порой и благожелательное обращение правительственных лиц и придворных с оппозиционными деятелями, не скрывавшими конституционных мечтаний, объяснялось в том числе и семейными узами. И наоборот: успешное распространение мнений, враждебных самодержавной власти, опиралось на более или менее открытую поддержку их носителей родственниками (причём часто весьма дальними) из аристократических кругов. При этом автор выстраивал генеалогические цепочки, объединявшие высокопоставленных чиновников, лидеров оппозиции и даже откровенных радикалов и революционеров. Историк видел в этом важнейший фактор, который до сих пор недооценён, но многое объясняет в расстановке политических сил на рубеже XIX–XX вв.

Действительно, некоторые генеалогические реконструкции Островского впечатляют своей наглядностью и ещё более тем, что сделаны они на основе опубликованных и давно известных источников. Так, фрондировавший земский деятель И. И. Петрункевич был женат на графине Анастасии Сергеевны Паниной, вдове сына министра юстиции. Её мать, Анастасия Николаевна Мальцева (в девичестве – княжна Урусова), принадлежала к ближайшему окружению вел. кн. Марии Николаевны и императрицы Марии Александровны (I, с. 153). А дочь от первого брака Софья вышла замуж за сына государственного секретаря А. А. Половцова и Н. М. Июневой – внебрачной дочери вел. кн. Михаила Павловича. Правда, вскоре Софья Владимировна добилась развода, «посвятила себя общественной деятельности» и, в частности, финансово поддерживала «Революционную Россию» (I, с. 154, 242). Не менее характерен пример президента Вольного экономического общества и знаковой фигуры в земском движении гр. П. А. Гейдена – двоюродного брата начальника канцелярии Императорской Главной квартиры флигель-адъютанта гр. А. Ф. Гейдена (I, с. 199–200) и фрейлины императрицы Марии Фёдоровны гр. О. Ф. Гейден (I, с. 301–302). Савва Тимофеевич Морозов, поддерживавший земских либералов, а затем и социал-демократическую «Искру», помимо прочего, являлся

* Статья подготовлена при поддержке Междисциплинарной научно-образовательной школы Московского университета «Сохранение мирового культурно-исторического наследия».

дядей жены начальника Переселенческого управления МВД А.В. Кривошеина (впоследствии товарища, а затем и главноуправляющего землеустройством и земледелием), который, в свою очередь, был шурином его брата — Сергея Тимофеевича (I, с. 238).

Помимо старообрядцев, внимание Островского привлекали сектанты, вращавшиеся в непосредственной близости от престола. Так, командир лейб-гвардии Преображенского полка (в 1867—1870 гг.) генерал-адъютант Г.И. Чертков, двоюродный брат мужа близкой к вдовствующей императрице обер-гофмейстерины гр. А.Д. Строгановой, был женат на также близкой к Марии Фёдоровне «видной баптистке» урождённой Е.И. Чернышёвой-Кругликовой, чья сестра находилась замужем за В.А. Пашковым, «по имени которого русские баптисты получили название пашковцев». К баптистам принадлежала и родная сестра Черткова, которая во втором браке стала женой гр. П.А. Шувалова, занимавшего в 1866—1874 гг. пост шефа жандармов (I, с. 301—302). Впрочем, следует отметить, что баптисты не занимались политикой и считались неблагонадёжными лишь в конфессиональном отношении.

Интересны судьбы детей входившего в круг доверенных лиц императрицы Марии Фёдоровны генерал-адъютанта кн. В.А. Барятинского. Его дочь Ирина вышла замуж за племянника жены И.И. Петрункевича (I, с. 301—302), а сын Владимир женился на популярной в леволиберальных и демократических кругах актрисе Л. Яворской (I, с. 302—303).

Обер-гофмейстер кн. Г.Д. Шервашидзе, управлявший двором вдовствующей императрицы, по словам Островского, «придерживался умеренно либеральных взглядов и был противником неограниченной самодержавной власти» (I, с. 301, 303). Он был женат на дочери барона А.П. Николаи, в 1884—1889 гг. председательствовавшего в Департаменте законов Государственного совета, Марии, а её двоюродный брат — барон Павел Николаевич Николаи — являлся двоюродным братом будущего первого наркома иностранных дел Г.В. Чичерина, который в начале XX в., служа в МИД, «постепенно эволюционировал к марксизму». Сам же Павел, покинув государственную службу, стал лютеранским пастором, основателем Русского студенческого христианского движения и российского филиала «Ассоциации молодых христиан» (УМКА) (I, с. 303—304).

В книге обстоятельно рассмотрено окружение директора Департамента полиции МВД в 1902—1905 гг. А.А. Лопухина, который «имел разветвлённые родственные связи как при дворе и в правительстве, так и в лагере либеральной оппозиции». Ссылаясь на дубровинское «Русское знамя», историк писал: «В газетах сообщалось, что в прокурорские годы А.А. Лопухин находился в близких отношениях с некими Ц. и С., которые были связаны с революционными кругами. Получив предложение возглавить Департамент полиции, он якобы дал Ц-у телеграмму: “Взлетаю на солею, как бы там шею не свернуть”». Насколько могут быть достоверны подобные черносотенные слухи, собранные в статье с выразительным названием «Лопухинское отродье», автор не уточняет. Под статью Лопухину была и его жена, в девичестве — княжна Урусова, сестра кн. С.Д. Урусова, в начале XX в. — бессарабского и тверского губернатора, затем депутата I Думы, подписавшего Выборгское воззвание, мужа внучатой племянницы П.Л. Лаврова (I, с. 257—259).

Столь же пристально отслеживал Островский родственников кн. П.Д. Святополк-Мирского. При этом исследователь упоминает даже о том, что муж се-

стры князя «находился в отдалённом родстве с семьёй графа Михаила Таризловича Лорис-Меликова» (I, с. 370). Не сказано только, что его отец, кн. Д.И. Святополк-Мирский, и гр. М.Т. Лорис-Меликов с молодости оставались личными врагами. Справедливо указав на то, что в 1904 г. «назначению П.Д. Святополк-Мирского на должность министра протезировала императрица Мария Фёдоровна», историк полагал: «Не исключено, что определённую роль здесь сыграло то обстоятельство, что брат состоявшего при дворе императрицы Марии Фёдоровны князя Владимира Анатольевича Барятинского – Александр – был женат на сестре князя П.Д. Святополк-Мирского Ольге» (I, с. 373). Можно лишь сожалеть о том, что автор не пояснил, как именно столь опосредованные связи могли хоть как-то сказываться при замещении одной из важнейших должностей в империи. Зато многозначительно отмечено, что жена Святополк-Мирского (в девичестве гр. Е.А. Бобринская) «находилась в родстве с такими видными представителями либеральной оппозиции, как князь Г.Е. Львов и Н.Н. Львов» (I, с. 371).

Иногда подобные генеалогические изыскания приводят к некоторой путанице. Так, Островский писал, что муж сестры В.А. Маклакова (секретаря кружка «Беседа» и участника «Союза Освобождения») – сын адвоката В.И. Танеева – был прапраправнуком «масона генерал-майора Сергея Михайловича Танеева (1749–1825)» и внучатым племянником А.С. Танеева (младшего), отца близкой к императрице Александре Фёдоровне А.А. Вырубовой, управлявшего с 1896 г. Собственной е.и.в. канцелярией (I, с. 377). Однако В.И. Танеев, будучи внуком Ильи Михайловича Танеева, приходился С.М. Танееву внучатым племянником, двоюродным племянником – А.С. Танееву (старшему), а внуку того – А.С. Танееву (младшему) – соответственно троюродным дядей. Следовательно, его сын В.В. Танеев, муж А.А. Маклаковой, приходился главноуправляющему четвероюродным братом. Хотя, если вспомнить, что родные братья Василий и Николай Маклаковы являлись полными политическими антиподами и оппонентами, то трудно сказать, как отражалось на их судьбе и деятельности свойство с Танеевыми.

Удивительны родственные переплетения кн. Г.Е. Львова – будущего главы Временного правительства, входившего в начале XX в. в кружок «Беседа» и «Союз Освобождения». По материнской линии его родственником являлся многолетний начальник канцелярии Министерства императорского двора А.А. Мосолов. В родстве с Георгием Евгеньевичем состоял и зять министра императорского двора барона В.Б. Фредерикса В.Н. Воейков. Сам же кн. Львов через свою тещу приходился дальним родственником Лопухину (I, с. 396–397).

Кн. А.Д. Оболенский, на рубеже XIX–XX вв. последовательно состоявший товарищем министра сначала в МВД у И.Л. Горемыкина и Д.С. Сипягина, потом в финансовом ведомстве у С.Ю. Витте, Э.Д. Плеске и В.Н. Коковцова, а в 1905–1906 гг. занимавший пост обер-прокурора Святейшего Синода, через жену (урождённую светлейшую княжну Е.Н. Салтыкову) находился в свойстве с членами «Союза Освобождения» князьями Долгоруковыми и Н.Н. Львовым (троюродным братом петербургского градоначальника И.А. Фуллона (I, с. 529–531)), обер-гофмаршалом императорского двора гр. П.К. Бенкендорфом, а также с семейством светлейших князей Ливенов (I, с. 415–417).

Островский предполагал, что свояченицей барона Э.Ю. Нольде, служившего в начале XX в. управляющим делами Комитета министров, была народница А.В. Якимова, а его зятем – живший в Симбирске и близкий к Ульяновым на-

родник А.А. Кадыан. К оппозиции оказались близки и дети Нольде: сын Борис работал в либеральной газете «Право», затем вступил в партию кадетов, дочь Екатерина стала женой Б.Г. Кнатца, принимавшего активное участие в консолидации конституционалистских сил в период «весны» при кн. Святополк-Мирском (I, с. 441–442).

Александр Владимирович систематически выявлял подобные «неблагонадёжные», по его мнению, связи представителей российской политической элиты. Однако показать, в какой мере они создавали условия для единомыслия и взаимодействия даже самых близких людей, ему так и не удалось. Страстное же желание увидеть в семейственности и клановости подсказку, способную объяснить происходившее в империи, не раз уводило исследователя по ложному следу.

Конечно, не подлежит сомнению то, что влиятельные и консолидированные аристократические кланы занимали в российской элите начала XX в. видное место. Относя к их числу Волконских, Шереметевых, Шуваловых, Воронцовых, К.А. Бенкендорф отмечал: «Когда я говорю об этих семейных группах, я чувствую, что должен немного пояснить их значение. Хотя к этому времени немногие из старшего поколения занимали важные посты в управлении империей, но в те дни крайнего политического напряжения, в результате которого в России был введён ограниченный конституционный режим, именно через представителей этих семей можно было широко влиять на решения монарха»³¹. Правда, упомянув несколько фамилий, мемуарист не уточнил, какие ещё дворянские семьи к ним примыкали. Л.П. Минарик выделяла четыре союза крупных землевладельцев, группировавшихся вокруг Шуваловых, Мещерских, близкой родни Императорской фамилии, а также знати польского происхождения³². А.С. Карцов писал, что «члены “родственной сети” оказывали друг другу неформальную, но весьма действенную поддержку, в том числе в деле проникновения и укрепления в составе правящей элиты»³³.

Между тем родственные связи того же гр. С.Д. Шереметева, являясь, безусловно, важнейшим ресурсом в его государственной и политической деятельности, были не только обширны, но и весьма разнообразны. Родство или свойство существовало между ним и министрами гр. И.И. Воронцовым-Дашковым, Д.С. Сипягиным, кн. П.Д. Святополк-Мирским, А.Г. Булыгиным, П.А. Столыпиным³⁴, финляндским генерал-губернатором гр. Ф.Л. Гейденом и др. При этом отношения графа с его высокопоставленными родственниками разительно различались: от близких и доверительных с Сипягиным до подчёркнуто формальных и настороженных со Столыпиным. Более того, далеко не всегда кланы спланивали ощущение общих интересов. А разница в политических взглядах часто становилась причиной конфликтов близких родственников даже внутри одной семьи.

Так, гр. Шереметеву долго не удавалось достичь взаимопонимания с сыном Павлом, который увлёкся земским движением и стал одним из основателей

³¹ Бенкендорф К.А. Половина жизни: воспоминания русского дворянина. М., 2014. С. 32.

³² Минарик Л.П. Экономическая характеристика крупнейших земельных собственников России конца XIX – начала XX в.: землевладение, землепользование, система хозяйства. М., 1971. С. 21–23.

³³ Карцов А.С. Русский консерватизм второй половины XIX – начала XX в. (князь В.П. Мещерский). СПб., 2004. С. 290.

³⁴ Белоусова О.В. «Вот где главное наше горе». Граф Сергей Шереметев и его высокопоставленные родственники // Родина. 2012. № 7.

кружка «Беседа», включавшего и других представителей аристократических семейств — Бобринских, Голицыных, Долгоруких. По свидетельству кн. М.В. Голицына, молодой граф «тогда был очень левого направления, дружил с земцами и земскими служащими из числа так называемых красных и неблагонадёжных и этим навёл на себя недовольство со стороны родителей, которые почти лишили его материальной помощи»³⁵. Как утверждал Ф.А. Головин, в самом начале 1896 г. Павел Сергеевич много говорил с ним «о борьбе земского начала с бюрократическим, о ничтожности личности государя. Весь этот разговор вёл к приглашению меня в состав тайного общества под названием “Беседа”»³⁶. Память, похоже, подводила мемуариста, поскольку кружок сформировался только в 1899 г. Тем не менее сын Сергея Дмитриевича, несомненно, играл в нём заметную роль. Одно из собраний даже проводилось на его квартире. Так, кн. П.Д. Долгоруков сообщал 8 марта 1902 г. В.Ю. Скалону: «Редакционное совещание назначено на 16 в 8 часов вечера в квартире графа П.С. Шереметева (Фонтанка, собственный дом), и обещает быть довольно интересным. Кроме литераторов будут и несколько земцев»³⁷. Обсуждать предполагалось работу открывшегося в январе 1902 г. Особого совещания о нуждах сельскохозяйственной промышленности. «Учреждение Особого совещания, — вспоминал кн. М.В. Голицын, — вызвало для нашей “Беседы” необходимость собраться и столкнуться, причём на сей раз собрались в начале марта в Петербурге, в квартире Павла Шереметева во флигеле на Фонтанке». Там же «было решено на местах, где удастся, расширить не только программу вопросов, но и состав уездных земских собраний, рекомендовалось выдвигать вопросы правовые, финансовые, культурно-просветительные, поскольку они могли освещать местные нужды»³⁸.

Любопытно, что гр. С.Д. Шереметев являлся членом Особого совещания и 2 февраля отметил в дневнике: «Вечером первое заседание новой сельск[о]-хоз[яйственной] комиссии, или Особого совещания, под председ[ательством] Витте. Очень интересно, и начало обещает дело... Уже всплывает вопрос об общине»³⁹. В первой половине марта он находился в Москве и, по-видимому, ещё не догадывался о причастности сына к «Беседе», не говоря уже о проходившей у него встрече. Во всяком случае, в его дневнике в это время нет упоминаний о Павле или событиях, связанных с ним. Вернувшись 16 марта в Петербург, Сергей Дмитриевич почти ежедневно виделся с Сипягиным и его товарищем, кн. Святополк-Мирским, отвечавшим за жандармское ведомство. Но в том, что за графским домом ведётся полицейское наблюдение и уже известны собиравшиеся там участники «Беседы», высокопоставленные родственники ему так и не признались. Зато министр рассказывал о неудавшемся покушении на Трепова и межведомственных дразгах.

³⁵ Голицын М.В. Мои воспоминания (1873–1917). М., 2007. С. 196.

³⁶ Головин Ф.А. Николай II // Николай Второй. Воспоминания. Дневники. СПб., 1994. С. 82.

³⁷ Цит. по: Соловьёв К.А. Кружок «Беседа»: в поисках новой политической реальности, 1899–1905. М., 2009. С. 168.

³⁸ Голицын М.В. Указ. соч. С. 288.

³⁹ РГАДА, ф. 1287, оп. 1, д. 5047, л. 13. Правда, вскоре граф с разочарованием признал: «Витте председательствует очень дурно. Совсем не в его характере. Всё больше сам говорит. Опять Сипягин выводит на путь. Каждый гнёт свою программу. Ермолов совсем неприличен, в сильном возбуждении. Спор на личной почве» (Там же, л. 36).

При этом, как и его отец, П. С. Шереметев оставался убеждённым монархистом. 2 мая 1903 г. он говорил Плеве: «Мне кажется, что за последнее время весьма распространились идеи необходимости конституции в России. Я должен заявить, что я решительно высказываюсь против такой формы правления в России, но не могу не сказать, что замечаю, как на моих глазах, за какие-нибудь два-три года последние идеи конституционализма сделали огромные успехи и очень распространены среди отдельных дворян и земств. Я против таких взглядов, ибо я думаю, что самодержавие нам необходимо, но основанное на местном самоуправлении. Поэтому для меня земство есть основа самодержавия. Если же угнетать земства, вообще местных людей, то мы неизбежно придём к конституции в России»⁴⁰.

Неудивительно, что гр. С. Д. Шереметев глубоко переживал идейный разлад с сыном. «Бедный Павел, — писал он в дневнике в 1899 г., — неужели он никогда не выкарабкается из этой лжи и не станет самостоятельным. Слишком уж он боится влечений и слишком нетерпим. Слабость характера уже давно и явно выразилась»⁴¹. Тем не менее отец внимательно присматривался к состоянию молодого графа и в том же году отмечал: «Павел сидел и ужинал. Он как будто тише, и курс словно слегка меняется»⁴². Постепенно отношения между ними выровнялись. После событий 1905—1906 гг. гр. П. С. Шереметев занялся изучением истории и народных промыслов, неоднократно представлялся императору. Примечательно, что без протекции отца в 1915 г. он стал членом Государственного совета от дворянских обществ.

Это наглядно показывает, что родственные связи, конечно, ни в коем случае не следует игнорировать, о них всегда необходимо помнить, но априорно установить их роль и значение по генеалогическим данным нельзя. В каждом конкретном случае требуется специально разбираться в том, что именно за ними стояло в том или ином семействе.

⁴⁰ РГИА, ф. 1088, оп. 2, д. 465, л. 3.

⁴¹ РГАДА, ф. 1287, оп. 1, д. 5045, л. 131 об.

⁴² Там же, л. 136.